

Война и моя семья

Оба моих деда — Григорий Наумович Красухин (22.VI.1908–27.VIII.1995) и Михаил Макарович Бондарюк (15.XI.1908–11.X.1969) — во время войны работали в оборонной промышленности.

Григорий Наумович родился в местечке Любавичи под Смоленском в большой семье (четвёртый ребёнок из 5), в возрасте 19 лет переехал в Москву. Там он выучился на фрезеровщика, поступил работать на Завод Ильича; быстро стал бригадиром, мастером, перед войной — начальником цеха (чем очень гордился, так как высшего образования не имел). Незадолго до войны он женился, в 1940 г. родился его старший сын — мой отец. Во время войны завод был эвакуирован в Челябинск, влился в знаменитый Танкоград. Дед был награждён орденом «Знак почёта». В 1944 г. завод вернулся в Москву, Г.Н. продолжал работать в той же должности, затем перешёл на завод пишущих машинок. А в 1952 г. начались увольнения лиц еврейской национальности. Дед рассказывал, как в ноябре того года вызвал его к себе директор и сказал: «Григорий Наумович, ты хороший работник, у меня к тебе претензий нет. Но от меня требуют уволить тебя. Пиши заявление по собственному, я прикажу выдать тебе не только полный расчёт, но и двухнедельное пособие. Больше ничего сделать для тебя не смогу». Несколько месяцев Григорий Наумович не мог найти работу. О должности начальника цеха он и не заикался, но и простым фрезеровщиком никуда не брали. Трудно сказать, как бы дальше сложилась судьба и деда, и всей семьи. Историки спорят: был ли у Сталина в начале 50-х гг. план выселения евреев из европейской части СССР. Но папа запомнил в это время постоянные разговоры о ссылке. Как бы то ни было, смерть Сталина много изменила в положении этого народа. Весной 1953 г. дед стал заместителем главного механика, затем и главным механиком на экспериментальном заводе при НИИ полиграфического машиностроения, проработал на это должности до 1976 г., затем 10 лет на то же заводе в ОТК. Там его ценили: он в 1983 г. с гордостью показывал красочный плакат: «Г.Н. Красухину — 75!» Работая с различными механизмами, дед стал мастером на все руки. Получив в 1955 г. дачный участок, при помощи сыновей раскорчевал деревья, построил дом. Затем, привлекая рабочих и родственников, построил и душевую кабинку. и хозяйственный блок, дом несколько раз перестроил. Умер в возрасте 87 лет, сохранив абсолютно светлую голову, хорошую память.

Михаил Макарович Бондарюк родился в Москве, в Дорогомилово, тоже в большой семье (пятый, последний ребёнок). Где-то я читал, что младшие братья и сёстры часто отличаются нерешительностью, несамостоятельностью. К деду это никак не относится: решительности и силы характера ему было не занимать. В 1930 г. он окончил Электромеханический институт, факультет авиации. В год его окончания этот институт разделили на несколько, а авиационный факультет превратился в самостоятельный МАИ, с которым М.М. был тесно связан. По окончании он поступил на службу в НИИ гражданского воздушного флота. В 1932 г. был на год командирован в Милан, в составе комиссии, закуповавшей на заводе «Изотта-Фраскини» авиамоторы. В Европу, её чёткость и деловитость Михаил Макарович влюбился на всю жизнь, старался и внешне, и внутренне соответствовать идеалу европейца: всегда подтянутый, элегантный, пунктуальный, сдержанный. Перед войной его назначили начальником отдела в конструкторском бюро знаменитого авиаконструктора В.Ф. Болховитинова, создателя бомбардировщика ТБ-3. В начале войны КБ было эвакуировано в Казань, где дед прожил три года с женой и родившейся за полтора месяца до войны дочерью — моей мамой. Войну закончил с орденами Красного знамени, Красной звезды, в звании подполковника инженерно-авиационной службы. В 1944 г. семья вернулась в Москву. Вскоре дед получил самостоятельное КБ, занимавшееся проектированием реактивных двигателей. Темой этой Михаил Макарович увлёкся в молодости, прочитав основополагающую работу академика Б.С. Стечкина «Теория воздушно-реактивного двигателя» (журнал «Техника воздушного флота», 1929). Он стал одним из пионеров реактивного моторостроения в стране, сотрудничал с крупнейшими конструкторами — С.А. Лавочкиным, В.М. Мясищевым, С.П. Королёвым. Вместе с работой в КБ он преподавал, читал лекции в Артиллерийской академии им. Дзержинского, Военно-воздушной академии

им. Жуковского, был профессором-совместителем на факультете двигателей в МАИ (сейчас там висит мемориальная доска в честь него). М.М. отличался широтой кругозора: хорошо разбирался в философии (увлекался идеями Дж. Беркли), прекрасно знал литературу, поэзию. Любимый писатель — Хемингуэй, любимые поэты — Гумилёв и Маяковский, которых он мог цитировать наизусть.

Одна из последних разработок его КБ — ракетные двигатели с ядерным резонансом. В то время защита от ядерного излучения была несовершенна. От вызванных им болезней умерли в молодом возрасте такие разработчики и руководители, как министры атомной промышленности А.П. Завенягин (1901–1956) и В.А. Малышев (1902–1957), создатель советской атомной бомбы и ядерного реактора И.В. Курчатов (1903–1960). И дед, перенеся облучение во время одного из испытаний, заболел лейкозом. Во время болезни он снова проявил свой мужественный характер: дочери долго не знали, чем болен отец, а на вопрос о причине ежегодного попадания в больницу М.М. отвечал: «Аллергический насморк». Умер, не дожив до 61 года.

А вот мамин отчим Александр Михайлович Дьяков (1926–2011) был на фронте. В 1944 году его призвали на фронт, демобилизовался в 1947. В нашей семье он пробыл, к сожалению, недолго: бабушка умерла через 4 года после того, как вышла за него замуж (и за 2 года до моего рождения). Но прекрасные отношения с нами он сохранял до конца жизни. Выдающимися чертами его характера были доброжелательность и обаяние. Он окончил факультет книжной иллюстрации Полиграфического института, где учился у выдающегося графика Элия Белютина, а однокурсником его был известный художник — график и станковист Виктор Пивоваров. После окончания института А.М. работал в Мосгоррекламе, дослужился до главного художника, неоднократно выезжал за границу для оформления советских стендов и павильонов на выставках. Находясь на пенсии, записался в хор ветеранов войны, с удовольствием посещал репетиции. В этом хоре, возглавляемом заслуженным деятелем искусств Г.И. Новиковым, поют и профессиональные певцы, некоторые из них тоже имеют звание заслуженных артистов. По праздникам (23 февраля, 9 мая) они выступают на сценах ЦДРИ, Дома армии в Екатерининском парке. И мы всегда с удовольствием ходили на их концерты. Всегда радовала высокая культура исполнения, прекрасный репертуар: помимо песен о Великой Отечественной войне хор обязательно исполнял что-нибудь из классики. Помню «Марш солдат» из «Фауста» (тот самый, упрощённый вариант которого все мы помним по детству как «Гимн юных пионеров»), хор невольников из оперы Дж. Верди «Навуходоносор». Ну а фронтовые песни ветераны пели с особой душой, переживая свою молодость. Когда они возглашали: «Мы не дрогнем в бою за столицу свою», — казалось, что сейчас в бой и ринутся. А.М. был счастлив, находясь среди друзей в хоре.

Однажды пришли мы к нему в гости 9 мая и, разумеется, стали расспрашивать о фронтовом прошлом. Он рассказал, что был призван и направлен в 2 Белорусский фронт, воевал в Восточной Пруссии. Командовал фронтом маршал К.К. Рокоссовский. «Хороший командующий был!» Мама спросила: «Саша, но Вы были простым 18-летним солдатом! Можно ли в такой должности оценивать маршала, комфронта?» — «Можно! Константин Константинович заботился о людях, — и это всегда чувствуется, любым солдатом. Старался избегать больших потерь, уделял внимание солдатскому быту, — это было очевидно».

Расскажу и о члене нашей семьи, который мог бы не просто участвовать в Великой Отечественной войне, но и сыграть в ней определённую роль, если бы не трагические обстоятельства. Это старший брат деда Георгий Макарович Бондарюк (1901–1938). Он был одним из первых советских военных лётчиков, воевал в Гражданскую войну, занимал различные командные должности, выполнял сложные задания. В 1925–26 году летал в Афганистан, доставлял оборудование для ремонта самолётов, учил афганских лётчиков. С 1931 года командовал авиабригадой в Ленинградском военном округе, с 1933 — отдельной авиабригадой на Дальнем Востоке. Был награждён 2 орденами Красного знамени, — когда кавалеры и одного ордена встречались редко. В 1935 году в Красной Армии были введены персональные воинские звания (до этого их не было, военные именовались и

аттестовались только по должности); Георгий Макарович в 34 года стал комбригом авиации, т.е. получил звание, аналогичное генерал-майору. С 1937 года сталинские следователи стали искать компромат на командующего Дальневосточным округом маршала В.К. Блюхера. В таких случаях начинают с подчинённых. И комбриг, дважды орденосец Г.М. Бондарюк в сентябре 1937 г. был арестован по обвинению в военном заговоре. 2 октября следующего года Военная коллегия Верховного суда приговорила его к смертной казни. В тот же день приговор был приведён в исполнение.

Со своим опытом и заслугами Г.М. Бондарюк, доживи он до Великой Отечественной войны, мог бы получить и более крупное соединение, чем бригада. И кто знает, — может быть, стал бы не менее известным командиром, чем главные маршалы авиации А.Е. Голованов и К.А. Вершинин, маршалы С.И. Руденко, В.А. Судец, генерал-полковник Т.Т. Хрюкин. Но вместо этого оказался в числе 40 000 репрессированных в 30-е гг. командиров, чьё отсутствие так остро ощущалось в начале войны.

Георгия Макаровича (дядю Жоржа — так называли его в семье) не застал не только я (что понятно!), но и моя мама, родившаяся почти через 3 года после его гибели. Однако мы дружили с его вдовой Антониной Ивановной, женщиной удивительной витальности. В одночасье из жены высокопоставленного военного она превратилась во вдову «врага народа» с двумя маленькими детьми (дочери на момент ареста отца было три года, сыну год). Приходилось Антонине Ивановне претерпевать и материальные трудности, и недоброжелательство, в том числе и некоторых её родных. Но братья дяди Жоржа и их жёны всегда поддерживали его вдову. Она дала детям образование (Лариса Георгиевна — музыкальный работник, закончившая Институт культуры, Олег Георгиевич — авиационный инженер, кандидат технических наук, автор публикаций и изобретений). Здоровье Антонина Ивановна сохраняла долго, лет в 85 продолжала ходить в бассейн. Прожила 98 лет, до конца была в твёрдой памяти. Незадолго до смерти она написала воспоминания о жизни с Георгием Макаровичем. Они хранятся у Олега Георгиевича.